

А.В. Журбина

**«ВСЯКИЙ КОРОЛЬ И ПРИНЦ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ
БЛАГОРАЗУМНО...»:**

переводчик и поэт Франсуа Абер при дворе Генриха II

Статья посвящена двум переводам «Метаморфоз» Овидия, сделанным поэтом Франсуа Абером, который жил в первой половине XVI в. и был приближен ко двору короля Генриха II. Исходя из текстов прологов, в которых содержатся различные обращения к королю (в том числе наставительно-увещательные), можно предположить, что к моменту создания второго перевода Абер уже входил в придворную «партию» Екатерины Медичи, боровшуюся с фавориткой короля Дианой де Пуатье.

Ключевые слова: история Раннего нового времени, Франция, куртуазная литература

В XVI в. поэт Франсуа Абер (*François Habert*, ок. 1520 – после 1561 г.) создал две версии перевода «Метаморфоз» Публия Овидия Назона на французский язык: краткую (6 книг из 15) и полную (все книги латинской поэмы). При сравнении двух версий можно заметить, что перевод книг из краткой версии перенесен в полную почти без редактуры, при этом содержание пролога – традиционной части подобных текстов – претерпело некоторые изменения. В данной статье мы попытаемся показать то, что, возможно, это было связано с придворной жизнью автора перевода.

О жизни Франсуа Абера известно немного. Сведения, в основном, черпаются из его книги «Безрадостная юность» (1541, буквально – «Юность лишенного радости»)¹. Дату своего рождения сам Абер не называет. Предполагают, что Абер родился примерно в 1520 г., поскольку «Юность» – его первое опубликованное произведение². Абер пишет, что появился на

Анна Викторовна Журбина, старший научный сотрудник отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

¹ [*Habert F.*] *La jeunesse du Banni de liesse...* P., 1541. 8°. (далее – *Jeunesse*).

² *Leykauff A.* *François Habert und seine Übersetzung der Metamorphosen Ovids.* Deichert. XI, *Münchener Beiträge zur romanischen und englischen Philologie* 30. Leipzig, 1904. S. 4, note 2. На то, что «Юность» – его раннее произведение, указывают отдельные пассажи. Например, в заголовке раздела, содержащего переводы двух басен из «Метаморфоз», он называет себя «тулузским школяром» («*escollier estudiant à Tholose*»). *Jeunesse*. F. 89r. Здесь и далее французский текст дан в оригинальном написании. – *А.Ж.*) Далее в небольшом предисловии к этим же переводам он просит покровителя «принять... его юношеский труд» («*geseruez ...*

свет в городе Иссудене (Yssauldun или Issoudin в современном написании), втором по величине городе герцогства Берри (современный департамент Эндр). Образование он получил в Париже – время своего студенческого пребывания там он называет «*foecunde et heureuse*»¹. Там же он выучил латынь и пробовал писать латинские стихи. Поскольку впоследствии он переводил Овидия и Горация, то, возможно, они и были его любимыми поэтами. Греческий, судя по наличию среди его трудов переводов греческих авторов, он, возможно, также знал, хотя и неизвестно, насколько хорошо, поскольку переводы вполне могли быть полностью или частично выполнены не с оригинальных текстов, а с латинских переводов.

Однако в связи с неизвестными обстоятельствами отец снова забрал его в Берри. Там он продолжил писать стихи и переписываться со своим парижским покровителем Шарлем Бийоном (Charles Billon). Вскоре молодой Франсуа Абер поступает в университет Тулузы на юридический факультет, где у него не остается времени на поэзию². Во время учебы в Тулузе умирает его отец, и он остается без средств к существованию³. Последующие 1541-1543 гг. были для Абера крайне тяжелыми: он обращается за помощью к родным и друзьям, и те находят ему место сначала помощника прелата, а затем и младшего нотариуса (*proténotaire*), однако денег все равно не хватает, и вскоре он оставляет занятия юриспруденцией. Абера одолевают кредиторы, домовладелица предъявляет к нему претензии⁴, и в довершение всего он заболевает⁵.

В юности Абер имел немало друзей и покровителей: все они, впрочем, не принадлежали к элите. Из самых значимых можно отметить лишь упоминавшегося выше Шарля Бийона, адвоката парламента. Кроме того, Абер входил в кружок аббата Брюжерá (Brugerat), члены которого проводили литературные встречи. В 1530-х гг. Абер совместно со своими друзьями⁶ сочиняет стихи для мистерий на тему Страстей Господних, пред-

vng *oeuvre iuvenile*», *Jeunesse*. F. 91r). В энциклопедиях, однако, без комментариев указывается, что Абер, вероятнее всего, родился в 1508 г.

¹ *Jeunesse*, *Epistre lumineaire*. F. 4v (цит. по: *Leykauff A. François Habert...* P. 6).

² *Jeunesse*, *Epistre à M. l'Euesque de Noyon*. F. 04r (в книге опечатка, должно быть 40).

³ *Jeunesse*. XVII, *epistre a m. maistre charles billon*. F. 48r.

⁴ [*Habert F.*] *La suytte du Banny de Lyesse*. P., 1541. Ep. III. F. 44r (далее – *Suytte*). – Цит. по: *Leykauff A. François Habert*. P. 7.

⁵ [*Habert F.*] *Le Combat de Cupido et de la Mort nouvellement compose par le Banny de lyesse, Francoys habert...* Paris: Alain Lotrian [1541 – датируется по привилегии]. *Epistre à maistre Claude habert greffier à buzancoys son frere*, s. p.

⁶ *Suytte*. F. 49r, 53r, 60v. Впоследствии поэт посвятит друзьям написанный в 1549 г. сборник эпиграмм «Храм целомудрия» ([*Habert F.*] *Le Temple de Chastete, Avec plvsievs Epigrammes tant de l'inuention de l'auteur que de la traduction et imitation de Martial et autres Poetes latins...* Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry. P., 1549).

ставлявшихся одно время в его родном городе Иссудене, – это, однако, его единственная попытка писать сценарии для театральных постановок.

За долги он попадает в тюрьму: эти события описаны в одной из латинских эпиграмм сборника «Сад счастья» (*Jardin de Felicité*). Чтобы вырваться из нужды и избавиться от кредиторов, Абер решает пробиться ко двору со специально написанным для этого сочинением. Адресатом «Новой Венеры» (написана в 1543 г., издана в 1547 г.) он выбирает не короля Франциска I, а его сына дофина, будущего короля Генриха II¹. В виде Венеры он аллегорически представляет его супругу Екатерину Медичи. Абер с некоторым успехом читает свои стихи при дворе, который в это время находится в замке Дианы де Пуатье в Анэ (*Anet*), но задержаться там ему не удастся, и он возвращается в Париж. Однако через некоторое время, очевидно, не без содействия Екатерины Медичи, которой понравилось его произведение², дофин вспоминает о нем. По его заказу Абер пишет «Новую Палладу» В 1544 г. она была прочитана при дворе в Эвре (*Evreux*). Кроме того, он пишет поэму в честь рождения наследника дофина Генриха – Франциска (будущего короля Франциска II). Удалось ему завоевать также расположение королевы Клод Французской (жены короля Франциска I, дочери Людовика XII) и сестры короля, знаменитой писательницы Маргариты Наваррской, которые одобрили его литературные труды³. Очевидно, Абер был оставлен при дворе до коронации Генриха II, последовавшей в 1547 г.

Дальнейшая творческая жизнь Абера также была связана с королевским двором и Генрихом II, который называет его в привилегиях «наш дорогой и любимый Франсуа Абер, поэт Франции»⁴. В 1548 г. в Фон-

¹ Позднее, в «Буколических стихах» (приложение к «Новой Палладе», изданной в 1545 г.), Абер прямо говорит, что его целью было получить доступ к дофину: [*Habert F.*] *La nouvelle Pallas, presentee à Monseigneur le Daulphin, par François Habert natif d'Issouldun en Berry. Item, La naissance de Monseigneur le Duc de Bretagne Filz dudict Seigneur. Avec un petit œuvre Bucolique. Aussi le cantique du Pecheur conuert à Dieu.* Lyon, 1545. F. 53r и далее.

² Абер называет Екатерину Медичи «son amyee exaulcee». *La nouvelle Pallas*. P. 68.

³ «... sa prudente nature donne faueur à ta literature». [*Habert F.*] *Les Dictz des sept sages de Grece, traduicts de Grec en vers Latins par le Poëte Ausone et de luy en rime Françoisse par François Habert d'Yssouldun en Berry: ioincts autres dictz desdicts Sages, traduicts d'Erasmus, avec une eglogue sur la naissance de mon seigneur le Dauphin.* P., 1549. – Цит. по: *Les Dictz*. Lyon, 1550. P. 68 (ошибочная пагинация в книге, должна быть с. 72; далее книга называется *Les Dictz*).

⁴ «nostre cher et bien aymé François Habert, nostre Poete François» – привилегия от 13 апреля 1551 г.: [*Habert F.*] *Les sermons satiriques du sententieux Poete Horace, diuisez en deux liures, interpretez en rime Françoisse par François Habert de Berry.* P., 1551. Цит. по: *Leykauff A.* *François Habert*. P. 18. Интересно, что первые свои опусы он подписывал как *Banny de Lyesse* (буквально – «лишенный радости») с «девизом» *Fy de soulas* («безутешный»), хотя в «Битве Купидона и Смерти» (1541) его имя появляется в конце титула. Однако как только он попадает ко двору в 1543 г., на титульных листах его произведений появляется его настоящее имя.

тенбло Абер читает королю «Героиды» – свой первый перевод из Овидия (издан в 1550 г.), а затем – «Сатиры» Горация (1549-1551 гг.). Абер приобретает новых друзей, среди которых придворный поэт Меллен де Сен-Желе (Mellin de Saint-Gelais) и переводчик Еврипида Гийом Бушетель (Guillaume Bouchetel).

Примерно с 1547 по 1557 г. поэт трудится над переводом «Метаморфоз» Овидия, который он будет считать вершиной своего творчества. Последние труды Абера увидели свет в 1561 г.: это «Метаморфозы Купидона» (*Les Métamorfoses de Cupido*), посвященные королю Франциску II, и «Утешение народу галлов по случаю смерти короля Франциска II» (*La Consolation du peuple gauloys*). Вероятнее всего, Франсуа Абер умер в 1561 г. или немногим позже. После этой даты больше не появляется новых его трудов, хотя многие из них продолжают переиздаваться.

В целом, перу Абера принадлежит более пятидесяти произведений самого разного характера: переводы чередуются с религиозными, дидактическими и придворными текстами. Его творчество, как считается, отмечено влиянием «Великих риториков», а также Клемана Маро (Clement Marot), близкого этой традиции. Абер унаследовал от «Великих риториков» стремление к морализации¹ и аллегоризм². Его собственные сочинения весьма разнообразны по стилю и характеру, однако, с точки зрения литературной ценности, в целом посредственны.

К работе над интересующим нас переводом «Метаморфоз» Овидия Абер впервые приступил до 1547 г. В послании к переводу «Изречений семи мудрецов», датированном 24 февраля 1548 г. (напечатано в 1549 и затем в 1550 г.) и адресованном королю Генриху II, Абер впервые упоминает о своей работе над «Метаморфозами»: «Я хочу вам предложить мой долгий труд над «Метаморфозами» – тот, работу над которым я, по вашему пожеланию, начал некоторое время назад, еще до того, как вы унаследовали корону»³.

В 1549 г. Абер опубликовал «краткую» версию перевода, то есть шесть избранных книг из «Метаморфоз» (книги III-VI и XIII-XIV, далее

¹ Например, «Битва Купидона и Смерти» (*Le Combat de Cupido et de la Mort*, 1541 г.); «Идеальный философ» (*Le Philosophe parfait*, 1542 г.); «Похвала и порицание богатству» (*La Louange et Vitupere de Pecune*, 1555 г.).

² Например, «Храм Добродетели» (*Le Temple de Vertu*, 1542 г.), «Храм Целомудрия» (*Le Temple de Chasteté*, 1549 г.).

³ «Offrir je vous desire / mon long labeur de la Metamorphose, ... / ... celluy, duquel quelque saison / il vous pleut voir la forme commencée, / ains que vous fust la couronne laissée» (*Les Dictz*. P. 2–3). Генрих II вступил на престол 31 марта 1547 г. и был коронован 25 июля того же года. Таким образом, Абер начал работу над переводом до этого момента.

Мет[6])¹. В это время молодой король Генрих II только что взошел на престол. Его отец и предыдущий король Франциск I был известным покровителем наук и искусств. В прологе к Мет[6] Генрих II представлен как продолжатель дела своего отца, прославлению которого автор уделяет несколько строк. Абер выражает надежду на процветание литературы при Генрихе II: «твое славное царствование будет еще более возвышено и облагорожено литературными дарами»². Сам Генрих II, как указано в королевской привилегии³, желает того же.

В прологе находится немало места для вежливой лесты «великому королю, благосклонному к литературе»⁴. Он доказал это, когда Абер представил ему свою книгу. Возможно, это был перевод «Героид», опубликованный позднее, в 1550 г., или же «Новая Паллада», которая была преподнесена королю в 1544 г.: «твоему взгляду, беззаботному и непринужденному, была представлена книга моего сочинения, над которой твой взгляд, не склонный ко сну, давал понять, что ты не враг учености»⁵.

¹ [Habert F.] Six livres de la Métamorphose d'Ovide traduits selon la phrase latine en rime françoise, sçavoir le III, IIII, V, VI, XIII, XIV. Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy présenté au roy Henry de Valois, deuxiesme de ce nom. P., 1549 (без пагинации, за исключением прологов).

² «mais encor plus ton regne qui tant vault / sera du don des lettres noble et hault» (Мет[6], s. p., строки 19-20).

³ В королевской привилегии, напечатанной в Мет[6] между шестой и тринадцатой книгами, король Генрих II не только утверждает право Абера напечатать и продавать свой перевод, а также свободно выбрать любого издателя на территории королевства, но и обязывает всех прочих издателей в течение четырех лет воздерживаться от пиратских изданий под угрозой штрафа в сотню марок серебром и конфискации напечатанных и даже проданных тиражей. Издателю, избранному Абером, предписывается оказывать автору всяческое содействие и ничем ему не препятствовать. Выдача подобных гарантий с определенными условиями представляется вполне естественной для короля, в правлении которого было, помимо прочего, введено право на патент. Абер не случайно в прологе «К читателю» (Au lecteur) говорит о себе как об авторе, «довольно известном [читателю]» («ton Habert, que tu congnoys assez». Мет[6], s. p.). В привилегии Генрих II называет его «нашим любимым Франсуа Абером, французским поэтом» («nostre bien aymé François Habert Poëte Francoys». Мет[6], Priuilege du Roy, s. p.) и воздает по заслугам его трудам: «с превеликими усилиями он французскими стихами продолжил перевод «Метаморфоз» Овидия, начатый покойным Клеманом Маро» («a grand travail, peine et labeur il auroit traduit en rime Francoise le surplus de la Metamorphose d'Ovide, commensie a traduire par feu Clement Marot»). Кроме того, Генрих II, «желая процветания литературных трудов в своем королевстве» («desirant faire florir les bonnes lettres en nostre Royaulme»), соглашается дать Аберу так называемый *lettre de provision* (то есть выделяет ему деньги на издание перевода), о чем тот «скромно просит», указывая, что издание послужит «на благо и пользу государству» («pour le bien et proffict de la chose publicque»).

⁴ «grand Roy des lettres amoureux». (Мет[6], s. p., строка 57).

⁵ «a ton oeil ioyeux et a deliure / de ma façon se presentoit un liure, / dessus lequel ton oeil non endormy / bien enseignoit, que tu n'es ennemy / de bon scavoir». (Мет[6], s. p., строки 9-13).

Первая часть этого издания, книги III-VI, очевидно, мыслилась как продолжение труда Клемана Маро. Абер говорит в прологе, что читатель уже знаком с первыми двумя книгами, переведенными Маро, которого Абер считает своим учителем. Выбор же книг второй части, вполне возможно, был продиктован политическими или придворными причинами. Об этом свидетельствует тринадцатая книга перевода. Она начинается со знаменитого спора об оружии между Одиссеем и Аяксом, продолжается рассказом об Энее, заканчиваясь как раз в четырнадцатой книге его мирной смертью и обожествлением. Эней после гибели Трои, долгих странствий и приключений становится основателем нового и, как покажет время, могущественного государства – подходящий сюжет для короля, вступающего на престол Франции. В переводе Абера, таким образом, проявляется черта, характерная для переводов латинской классики и в конце XV в. Неоднократно отмечалось, что в переводе «Энеиды», принадлежащем Октовьену де Сен-Желе (Octovien de Saint-Gelais), просматривается отождествление Энея с Людовиком XII¹. В это же время придворные поэты сочиняют от лица Людовика XII и его супруги Анны Бретонской послания в духе «Героид»². Начиная с конца XV в. и позднее французским монархам нравится, когда поэт примеряет на них одежды античных героев. Мода на античные одеяния имеет, по-видимому, социальные причины: меняются отношения между государем и придворным. Первый возносится намного выше, чем прежде, второй вынужден льстить, скрывая назидания и критику под лестью, – такие назидания, как мы увидим, обнаруживаются и в «Метаморфозах» Абера.

Первую версию перевода Абер читал при дворе, находившемся тогда в Фонтенбло, о чем он упоминает в послании-прологе к переводу «Героид» Овидия: «В Фонтенбло пред королем играла моя свирель, живо и

¹ *Mühlethaler J.-C.* Culture de clerc et réalité curiale: Le Séjour d'Honneur d'Octovien de Saint-Gelais ou les failles de l'idéal // *Hofkultur in Frankreich und Europa im Spätmittelalter = La Culture de cour en France et en Europe à la fin du Moyen Age*. Berlin, 2005. P. 263–286; *Mühlethaler J.-C.* L'Eneydes d'Octovien de Saint-Gelais: une «translation» à la gloire du roi de France? // *CAMAREN*. № 2. 2007. P. 85-100.

² Для сравнения: в переводе Теренция также содержатся намеки на обстоятельства жизни Людовика XII и Анны Бретонской (*Евдокимова Л. В.* Комментарии к комедиям Теренция в издании А. Верара и их источники // *Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения*. М., 2006. С. 243). О литературном окружении этого монарха см.: *Tournoy-Thoen G.* Fausto Andrelini et la cour de France // *L'Humanisme français au début de la Renaissance*. P., 1973. P. 65-79; а также *Joole P.* Les Héroïdes d'Ovide et les épistoliers de la grande rhétorique // *Regards sur le passé dans l'Europe des XVIe et XVIIe siècles*. Berlin, 1997. P. 47-53.

страстно напевая произведение Овидия о превращенных телах, которое я перевел»¹.

Полный перевод всех пятнадцати книг (далее – Мет[15]) увидел свет в 1557 г.² Абер осуществил стилистическую правку уже переведенных книг, не повлиявшую на содержание, а также отредактировал и дополнил пролог, который и будет нас интересовать. Однако, прежде чем обратиться к разбору прологов, попробуем вписать данный перевод в историю рецепции данной поэмы, а также в общую традицию средневековых и ренессансных переводов в целом.

Довольно долго – с I по XI вв. – Овидию лишь подражали различные поэты, заимствуя у него те или иные стилистические приемы. Сложность отдельных пассажей поэмы, а также немалое число темных для средневековых читателей аллюзий были помехой для ее чтения в иных случаях, нежели в процессе школьного обучения, где отрывки «Метаморфоз» использовались в качестве все тех же стилистических образцов. Однако уже в V в. Фульгенций предлагает аллегорическую трактовку басен в «Мифологиях» (в том числе и из «Метаморфоз» Овидия), что в последующий период – с XII по XV в. – окажется доминирующей традицией. Текст перелагался на латинском или романских языках, снабжался аллегорическими комментариями, переписывался целиком в аллегорическом ключе. Идея подобных комментариев заключалась в следующем. Предполагалось, что в античных баснях сокрыта христианская истина, поэтому каждая басня подвергалась аллегорическому толкованию, выстроенному в полном соответствии с традицией подобного комментирования, которая достигает в этот период наивысшего расцвета. В тексте выявляются «четыре смысла»: исторический, моральный, тропологический и анагогический. При этом сам текст переводится весьма вольно, часто встречаются разнообразные вставки, призванные «улучшить» оригинал. Кроме того, каждый такой текст служил двойной цели: наставлению в христианской морали и развлечению знатного заказчика, при этом гендерная принадлежность заказчика влияла на уровень сложности перевода³.

¹ «Dans Fontainebleau / aupres du Roy s'enfla mon chalemeau, / en luy chantant d'un cueur prompt et avide / l'oeuvre traduit des corps muez d'Ovide». – Les Epistres heroides. P., 1550. F. 60v.

² [Habert F.] Les quinze livres de la Metamorphose d'Ovide intreprtez en Rime Françoise, selon la Phrase latine. Par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy presentez au Roy Henry II. P., 1557.

³ Об аллегориях см. Whitman J. Allegory. The dynamics of an ancient and medieval technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. О читателях см.: Monfrin J. Les traducteurs et leur public // L'Humanisme médiévale dans les littératures romanes du XIIe et XIVe siècles. P., 1964. P. 247-264.

Отношение к переводу начинает меняться уже в XIV в. В первую очередь это проявляется в прозаических переводах, которые в это время численно преобладают над стихотворными. Переводчики реже опускают те или иные фрагменты оригиналов, перевод становится более точным, глоссы и комментарии начинают четко отделяться от основного текста, – что, однако, станет системой позднее, в последней трети XIV в., в среде ученых переводчиков, работающих по заказу короля Карла V.

В качестве важных этапов средневекового бытования «Метаморфоз» можно отметить несколько текстов. В первую очередь, это анонимный старофранцузский «Морализованный Овидий» (*Ovide moralisé*) начала XIV в.¹, где аллегорические комментарии уже отделены от текста. Сам текст переведен неравномерно: частично весьма вольно, а местами довольно близко к оригиналу. Далее нужно отметить современный ему латинский «Морализованный Овидий» (*Ovidius moralizatus*) Пьера Берсюира (*Pierre Bersuire*) первой четверти XIV в.². Текст написан на латыни, поскольку был предназначен проповедникам, которые смогут использовать в качестве «примеров» как интересные басни, так и их аллегорические толкования. Это также и последующие компиляции из упомянутых текстов (а также и из других переложений отдельных басен с аллегорическими комментариями), вышедшие в свет в XV в. под названиями «Великий Олимп» (*Le Grand Olympe*) и «Библия поэтов» (*La Bible des poètes*).

Аллегорическая традиция не исчезает с появлением все более точных переводов. В 1493 г. в Венеции выходит первое критическое издание оригинального латинского текста, осуществленное Рафаэлем Регием (*Raphaël Regius*) и снабженное его собственными научными комментариями. В 1510 г. к изданию были добавлены написанные в Вене комментарии Петра Лавиния (*Petrus Lavinius*. «*Tropologicae enarrationes*»), которые, впрочем, относятся только к 450 стихам первой книги. Комментарии Лавиния написаны во многом по модели Берсюи-

¹ «L'Ovide moralisé»: poème du commencement du quatorzième siècle, publié d'après tous les manuscrits connus. Amsterdam, 1915-1938. 5 vols. (repr.: Wiesbaden, 1966-1968).

² Текст Берсюира представляет собой пятнадцатую книгу его «Морального свода». *Petrus Berchorius*. *Reductorium morale*. Liber XV: *Ovidius moralizatus*. Cap. I. De formis figurisque deorum. Textus e codice Brux., Bibl. Reg. 863-869 critice editus. Utrecht, 1966. 83 С.; *Petrus Berchorius*. *Reductorium morale*. Liber XV. Cap. ii-xv. «*Ovidius moralizatus*» naar de Parijse druk van 1509: *Metamorphosis Ouidiana Moraliter a Magistro Thoma Walley's Anglico de professione praedicatorum sub sanctissimo patre Dominico explanata*. Venundatur in aedibus Ascensianis et sub pelicano in vico sancti Iacobi. Parisiis. Utrecht, 1962; *Pierre Bersuire*. *De formis figurisque deorum // Allegorica*. № 2 (3). 1977. P. 62-89.

ра: они включают толкования на основе четырех смыслов аллегии, которые должны принести пользу проповедникам. Однако, в отличие от Берсюира, Лавиний считает, что комментатор не должен слишком удаляться от контекста басни. Кроме того, он высоко оценивает и язык «Метаморфоз», а также их образность – уже вне всякой зависимости от аллегорического значения¹. Как мы можем видеть, в начале XVI в. такие, казалось бы, разные по подходу комментарии эрудита Регия и сторонника аллегорического толкования Лавиния объединяются под одной обложкой с оригинальным латинским текстом, издания которого (с комментариями или без них) с этого времени стали издаваться довольно часто.

Перевод «Метаморфоз» Абера был создан в придворной среде и, судя по всему, ей и предназначался. Более того, есть основания полагать, что его появлению способствовали разногласия между Екатериной Медичи и ее супругом Генрихом II, а также стоявших за ними придворных. Уже по этой причине перевод Абера не мог бы принадлежать к ученой традиции. По-видимому, неслучайно текст здесь не отягощен сложным комментарием². Скорее всего, влияние придворной среды и желание приспособиться к ее интеллектуальному уровню заставляет Абера в известной степени упрощать оригинал, перелагая его по-французски: он последовательно раскрывает темные метафоры и аллюзии, встречающиеся у Овидия. Как кажется, то же влияние побуждает его расцвечивать свой перевод разнообразными риторическими фигурами, эпитетами и живописными деталями. В то же время, в соответствии с переводческой практикой своего времени, Абер стремится близко следовать оригиналу.

Переводчик испытывает существенное влияние ученых комментариев, но, тем не менее, не до конца порывает с аллегорической традицией. В согласии с ней Абер упоминает в прологе – как за две сотни лет до него и анонимный автор «Морализованного Овидия», и Берсюир, – об истине, сокрытой в языческих баснях, обосновывая свой выбор античной поэмы³. Далее он перечисляет некоторые басни из «Метаморфоз», прибавляя к ним аллегорический коммен-

¹ Тем не менее на Тридентском Соборе комментарии Лавиния были осуждены и запрещены вместе с другими аллегорическими интерпретациями Овидия.

² Отчасти функции комментария в данном случае берет на себя пролог переводчика, включивший, среди прочего, и длинный список греческих авторов – предшественников Овидия.

³ «Cest oeuvre la... ha toutefois de verité le pli». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 88-90.

тарий, который, однако, написан уже не по всем правилам экзегезы, но затрагивает лишь этическую сторону сюжетного конфликта; кроме того, он присутствует лишь в прологе, но не в основном тексте перевода. Для Абера, таким образом, поиски «скрытой истины», скорее, дань традиции, о которой он, впрочем, неплохо осведомлен. Исследования показывают, что он заимствовал удачные пассажи для перевода не только у своих непосредственных предшественников Клемана Маро и Бартеlemi Ано (Barthélemy Aneau), оставивших неполные переводы «Метаморфоз», но также и из «Великого Олимпа», – произведения, в значительной степени основанного на аллегорической экзегезе.

В прологах Абер затрагивает традиционные для них темы: пишет о своем покровителе, о восприятии оригинала, о способе перевода и о том, что своей задачей он видел пользу и развлечение читателей. К Мет[6] он составил три пролога. Два первых пролога – это небольшие послания с подзаголовком «К читателю» (под которым, среди прочих, очевидно, подразумевается и «заказчик», Генрих II). В них Абер говорит о пользе перевода лишь косвенно, больше сосредотачивая внимание на другом традиционном топосе – «приятности чтения»¹. Во втором прологе он заявляет, что «[переводил] с удовольствием»², «стремясь больше понравиться [читателю]»³.

Если первые два небольших послания-пролога озаглавлены «К читателю», то третий, намного более пространственный пролог к Мет[6] (164 строки) назван «Послание к королю». В нем затрагиваются темы чтения, которое доставляет удовольствие, продолжения дела, начатого Клеманом Маро, величия короля, а также отношения автора к переводу и оригиналу.

К идее приятного чтения в третьем прологе добавляется идея чтения полезного: «благоразумный [читатель] сможет извлечь для себя выгоду, но и помимо этого чтение сие столь приятно»⁴. Однако во времена Абера и религиозных войн в Европе чтение Овидия все еще могло вызвать осуждение: кто-то мог счесть его оскорбитель-

¹ «la leçon en peult plaire». Мет[6], [prologue] Au Lecteur, s. p., строка 6. Здесь «leçon» одновременно и чтение, и научение.

² «avec plaisir». Мет[6], [prologue] Au Lecteur encores, s. p., строка 4.

³ «affin de plaire mieulx». Мет[6], [prologue] Au Lecteur encores, s. p., строка 8.

⁴ «le prudens peult faire son profit / oultre cela si douce est sa leçon». Мет[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 146-147. Ср. в анонимном «Морализованном Овидии»: «чтобы понравиться тем, кто слушает [мое произведение] и сможет получить от него много пользы» («pour plus plaire a ceulz qui l'oyront, / et maint profiter i pourront»). (L'Ovide moralisé, Vol. 1. P. 62). В «Морализованном Овидии» Берсюира, как произведении для клириков, нет упоминания об удовольствии, но только о пользе.

ным для себя. Таковых Абер называет невеждами и смело говорит, что ему даже приятно дразнить их, чтобы понравиться достойным: «я знаю: достойным это поучение придется по вкусу; / если же невежды сочтут себя оскорбленными, / я доволен, что им не угождаю, чтобы доставлять наслаждение достойным»¹. Учитывая, что поэту покровительствовал сам король, такие заявления не кажутся излишне смелыми.

Весьма любопытно, что следы прежнего поиска скрытой истины в аллегорических толкованиях отчасти сохраняются и у Абера. В прологе он останавливается на кратком пересказе избранных басен и их «аллегорическом» толковании, предваряя это вступлением, на первый взгляд, совершенно в средневековом духе. Он утверждает, что в поэме, наполненной самыми разными баснями, скрыт «во многих местах *некий род истины* под неправдоподобным, лживым текстом»². Слова о «поиске истины», очевидно, взяты им из традиционных средневековых прологов к переводам античных авторов, равно как и слова о лживой природе античного текста: и пролог, и сам перевод свидетельствуют о большом уважении Абера собственно к тексту «Метаморфоз» и о внимании к его красоте, в то время как какие-либо толкования непосредственно в тексте перевода отсутствуют.

Трактовки басен в прологе при этом не несут в себе того раскрытия истины, которое наблюдалось у ранних авторов, – все они посвящены исключительно этическому аспекту. Под «истинным смыслом» Абер понимает «благоразумие и образец, по которому следует учиться правильному поведению в жизни»³, а также «чувство добродетели, заключенное [в баснях], которым может воспользоваться всякий благоразумный человек»⁴. При этом «истинный смысл» не связывается Абером напрямую с Писанием, в отличие от прежних трактовок. В целом, Абер старается оставаться в своих трактовках как можно ближе к очевидному смыслу басни, в то время как средневековые авторы отходят от него порой весьма далеко.

¹ «ie scay qu'aux bons la leçon en peult plaire / si ignorants s'en tiennent offencez / pour plaire aux bons il me plaist leur desplaire». Met[6], s. p., строки 6-8.

² «cest oeuvre la [...] ha toutefoys de verité le pli / en mains endroits, car sous la couverture / de fabuleuse et menteuse escripture / un sens y a». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 88-93.

³ «vn sens y a sous le quel on comprend / toute prudence, et bien vivre on apprend». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 93-94.

⁴ «un sens d'honneur confit / dont le prudent peult faire son profit». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 145–146. Здесь мы видим не «истину» (verité), заключенную в баснях, а именно «честь» (honneur), понятую в социальном, этическом смысле.

Эти идеи получают дальнейшее развитие в прологе к Мет[15], который является расширенным (254 строки вместо 164) и отредактированным вариантом третьего пролога к Мет[6]. К прежним суждениям Абер присоединяет новые идеи.

В 1557 г. поэт воздаёт Генриху II, королю и благосклонному читателю, всяческие похвалы. Между появлением Мет[6] и Мет[15] прошло почти десять лет, и если прославление культурной политики Франциска I было актуально в первом прологе, где этому посвящено приблизительно восемь строк, то во втором прологе к Мет[15] на фоне активной деятельности самого Генриха II необходимость прославления отца уступает место пространному прославлению сына, только в начале пролога занимающему полсотни строк, где Франциск I даже не упоминается. Интересно, что в этом более позднем прологе появляется упоминание королевы Екатерины Медичи.

В прославлении Овидия, как и в предыдущем прологе, мысль переводчика движется в ренессансной системе координат. Абер отмечает превосходство поэтического искусства Овидия и совершенства его речи. Картины сражений или беседы правителей, которые он рисует, кажутся фактически живыми и должны были доставить читателям и заказчику перевода несравненное наслаждение. Эти изящнейшие примеры из сражений или же бесед, сообщает Абер, открывают читателю искусство *утонченной*, или *цивилизованной*¹, культурной жизни:

Мет[15], Epistre av Roy. P. 5, строки 69-72	
Et ne sera trouvé facilement Auteur pour plus vivre civilement Que cestuy-cy, dont la grace admirable Laisse de luy un renom perdurable.	И не так-то легко для [уроков] более утонченной жизни найти другого такого автора, чем [Овидий], чье поразительное изящество подарило ему вечную славу.

Подчеркнем, что Абер в первую очередь обращает внимание на те темы «Метаморфоз», которые более всего должны заинтересовать монарха (битвы, беседы князей). Получив перевод, король сможет овладеть

¹ Поэт здесь, как и в прологе к Мет[6], очевидно, ссылается на важные для Ренессанса представления о необходимости подражать нравам древних и о том, что сами эти нравы отличались «утонченностью», «воспитанностью» – так называемой *urbanitas* (смысл, переданный в тексте пролога наречием *civilement*).

знаниями. Прочсть эту книгу могут пожелать и многие мудрые люди: «с этой книгой, в которой содержатся многочисленные сведения, все благоразумные люди ищут случая ознакомиться»¹. По-видимому, в соответствии с ренессансными представлениями об античной литературе, Абер рассматривает «Метаморфозы» как одно из свидетельств о древней цивилизации и культуре.

Из сказанного следует, что представления Абера о «пользе» басен никак не могут быть аналогичны тем, что представлены в средневековой аллегорической традиции, тем более что и обращается наш автор уже к значительно более светской среде, нежели его предшественники. Тем не менее некоторые осколки прежних представлений он еще сохраняет. Польза от чтения пока не относится только лишь к багажу знаний и удовольствию, как это обыкновенно предполагается в современном подходе к аналогичным литературным текстам, но несет в себе определенные духовные установки. Установки Абера, однако же, относятся скорее не к сфере религиозно-догматического христианства, а к возникшей на его почве концепции морального облика человека, представлениям о его «правильной» жизни, которые можно при этом почерпнуть из античных текстов как наиболее близких к природе и «жизни». Из следующего ниже перечня басен, сопровождаемого краткими толкованиями, следует, что он придает им только морально-нравственный и даже в некотором роде социальный смысл, вне какой-либо четко постулируемой связи с христианским вероучением.

Перечень басен с аллегорическими толкованиями не только фактически удвоен по сравнению с прологом к Мет[6], но также отредактирован. В отдельные толкования также были внесены определенные изменения².

Первым идет **упоминание о сотворении мира** (I книга «Метаморфоз» Овидия), которое традиционно не нуждается в христианизации по причине того, что рассказ Овидия не слишком расходится с соответствующими христианскими представлениями. Далее кратко излагается история гигантов (кн. I), причем трактовка меняется:

---

¹ «ce liure, ou gist mainte science / dont les prudens cherchent l'experience». Мет[15]. Epistre av Roy. P. 11. строки 221-222. В данной статье мы сконцентрировали внимание на паре Абер – король, но, безусловно, помимо короля и его семейства текст предназначался для чтения и придворным кругом. О французских писателях и их читателях см. недавнюю книгу Szabari A.. Less rightly said: scandals and readers in sixteenth-century France. Stanford, 2010, где рассматривается тема сатиры и различной агитации в произведениях, в том числе агитации политической, религиозной и др.

² Жирным выделены те басни, которых не было в прологе к Мет[6].

вместо сравнения их с Люцифером мы находим наказание неблагочестивых людей. Стоит обратить внимание на то, что Абер убирает чисто «церковное», религиозное толкование, и заменяет его на толкование социальное, по-видимому, имеющее в себе намеки на придворную среду.

Затем подряд идут три новых басни и соответствующие им толкования: **Лицаон** (кн. I) – наказанный разбойник; **Девкалион и Пирра** (кн. I) – благочестивые люди, спасенные Богом, в то время как нечестивые наказаны за свои преступления; **различные любовные/развратные истории** (кн. I-II) – на них короли и принцы должны учиться поступать благоразумно (как мы увидим ниже, указания на нравственность монарха, суверена не случайны). Следующие басни взяты из пролога к Мет[6], но порядок их выстроен правильнее: это **Дафна** (кн. I) – девушка, стремящаяся соблюсти девственность; **Фаэтон** (кн. II) – избалованный ребенок; **Паллада и Киферея**¹ – порочная и чистая любовь, **Геракл** (кн. VI) – его толкование изменено с порицания несдержанности на порицание того, что он не ценил чистую любовь, оттого все потерял и погиб (как мы увидим ниже, это также не случайно). Затем в прологе следует добавленная басня об **Арахне** (кн. VI), наказанной за непочтение и нелюбовь ее земного сердца к Богу, и басня об **Икаре**, которая переставляется на хронологически более правильное место (кн. VIII), – Икар символизирует падение слишком возвысившихся людей. Завершается перечень двумя баснями о **Мидасе** (кн. XI): о его ослиных ушах за суждение, означающих наказание невежд, которые берутся судить то, чего не понимают, и о его страсти к золоту, сравниваемой с ослепленными жадностью людьми².

Толкования, приводимые Абером, отчасти, как мы уже говорили, напоминают прежние аллегорические экзегетические трактовки, но сходство это лишь внешнее, поскольку поэт рассматривает исключительно этическую и социальную сторону практически каждого сюжета. К примеру, он убирает из толкований образа гигантов Люцифера, подменяя его на неких *неблагочестиво ведущих себя людей*. Безусловно, и этический, и социальный аспекты находятся в контексте христианской культуры, однако христианский «элемент» выражен

¹ Различные басни об этих богинях рассеяны по всему тексту «Метаморфоз», но в основном содержатся в кн. I-III.

² Отметим, что эти «трактовки» вполне соответствуют излюбленной теме моралистов XV-XVI вв.: критике придворных нравов, – то есть, возможно, здесь присутствует намек на окружение короля.

весьма опосредованно. При сравнении с текстами предшествующей эпохи социальный, придворный акцент «трактовок» Абера выглядит особенно ярко.

Такие толкования Абер приводит только в прологе к обеим версиям «Метаморфоз». Переводчик намечает для читателя возможные пути понимания текста; неслучайно толкования по большей части принимают форму риторических вопросов.

Met[15]. Epistre av Roy. P. 6, строки 83-88	
Quand il escrit Lycaon prendre forme Par Iupiter d'un loup vieil et difforme, Ne devons nous par ceste fable entendre Que les larrons meschans doivent attendre Puniton du souverain Recteur Qui est des bons la garde et protecteur?	Когда он описывает, как Ликаон был превращен Юпитером в старого страшного волка, не должно ли нам понимать эту басню как то, что злых разбойников ждет наказание от правящего Государя, который есть оплот и защита всех добрых [людей]?

Отметим, что, возможно, и здесь, как и выше, присутствует намек на окружение короля, его двор, и под «злыми разбойниками» следует понимать зарвавшихся придворных, которых монарх может наказать по своей доброй (!) воле.

В высшей степени любопытно, что за общими моральными толкованиями басен, которые приводятся в прологе, возможно, скрываются вполне определенные нравственные наставления, обращенные к Генриху II. Пролог, таким образом, позволяет отчасти реконструировать исторический контекст, в котором перевод был создан: выше мы обратили внимание на то, что в этом прологе впервые упоминается Екатерина Медичи, — это упоминание не кажется случайным.

В свое время, возможно, именно Екатерина покровительствовала Аберу при дворе: в 1543 г. поэт прочел свои стихотворные сочинения в Анэ (Anet), в замке Дианы де Пуатье, где тогда пребывал двор. Однако в то время ему не удалось завоевать прочного положения. Позже Абера пригласил ко двору дофин, поскольку Екатерине понравилась его «Новая Венера»: под Венерой подразумевалась сама Екатерина. О королеве, покровительствующей поэту, идет речь в самом конце пролога:

Мет[15], Epistre av Roy, P. 11-12, строки 241-250	
J'ai bon espoir que ce livre present (Dont vostre Habert vous faict humble present) Sera tenu de la main reveriee De vostre espouse aux autres preferiee, Royne sans pair, la mere des enfans Qui apres vous seront Rois triomphans: Tandis je pry le Createur celeste Vous preserver de tout ennuy moleste, Et qu'il vous face (ф seul Chrestien Hector) Vivre les ans du sage et preux Nestor...	У меня есть надежда, что сия книга (скромный подарок вам Абера) будет принята почитаемой мной рукой вашей супруги, предпочтенной всем другим, королеве, не имеющей себе равных, матери детей, которые после вас станут победоносными королями. А пока я молю небесного Создателя избавить вас от всякой тягостной скуки и дать вам (о единственный христианский Гектор) прожить жизнь мудрого и доблестного Нестора...

Эти строки с упоминанием Гектора заставляют вспомнить о том, как Абер изменил в этом прологе толкование басни о Геракле. Если ранее причиной утраты «всех достижений»¹ и гибели Геракла была некая невоздержанность, то теперь переводчик ясно объясняет, что причина бед иная: Геракл предпочел другую возлюбленную законной супруге, поскольку не ценил «целомудренную любовь»². Показательно также, что, перечисляя басни, Абер объединяет множество любовных историй под общим названием «развратные любовные связи» (amours dissolues):

Мет[15], Epistre av Roy, P. 6-7, строки 99-102	
Quant il descrit les amours dissolues Pour convertir les personnes pollues, Ne veult il pas monstrier evidentement, Qu'un Prince et Roy doit vivre prudement?	Когда он описывает развратные любовные связи, дабы обратить испорченных людей, не хочет ли он с очевидностью показать, что всякий король и всякий принц должны жить благоразумно?

Толкование, которое он дает таким «басням», поначалу кажется натянутым, однако обретает смысл, если предположить, что Абер завуалированно поучал Генриха II благоразумию и намекал на его связь с Дианой де Пуатье. Наше предположение находит опору и в

¹ «ce, qu'il a conquis». Мет[6], s. p., строка 142.

² «ne veult-il [Ovide] blasmer ceux / qui en l'amour chaste sont paresseux?». Мет[15], Epistre av Roy, P. 8, строки 131-132).

приведенных выше стихах из концовки пролога, где поэт сравнивает Генриха с Гектором, в то же время желая ему долголетия Нестора. Известно между тем, что Гектор погиб в расцвете сил, вовсе не достигнув преклонных лет Нестора. Герой этот, однако, прославлен не только самоотверженной защитой Родины, но и своей любовью к супруге Андромахе, которой посвящена среди прочего целая песнь гомеровской «Илиады».

Итак, весьма вероятно, что Абер, будучи придворным поэтом, принадлежал к определенной партии: к тем, кто стоял за Екатериной Медичи, которая вплоть до конца жизни Генриха была вынуждена делить супруга с его фавориткой Дианой де Пуатье. Стремясь угодить королеве, Абер намекает на пагубность измен и сторонних любовных связей, косвенным образом выражает надежду на то, что на короля благотворно действуют «истории», рассказанные в «Метаморфозах», исподволь советует монарху избавиться от ненужных привязанностей, начав жить целомудренно, и, наконец, сравнивает его с Гектором, столь любившим свою законную супругу.

Помимо нравственных поучений, читатель «Метаморфоз» – король в первую очередь, но также и более широкая придворная аудитория – извлечет из этой книги, как считает Абер, много полезных сведений. «Метаморфозы», по словам Абера, «со всей ученостью излагают истории древних»¹ и эта античная книга, как уже было сказано выше, вообще может быть названа «матерью [всех] историй»². Показательно, что, в отличие от своих предшественников, Абер порой пишет не о «баснях» (fables) как составной части «Метаморфоз», но об «историях» (hystoires), – в его время отношение к античным языческим легендам коренным образом изменилось.

Таким образом, взгляд Абера на Овидия и восприятие «Метаморфоз», а также и его эстетические воззрения, обнаруживающие себя в прологах, сформированы новой эпохой, радикально отличной от той, которой принадлежат прежние, «морализованные» Овидии. Тем не менее в перевод Абера интегрированы осколки укорененного в давней традиции представления о скрытом смысле басен, «скрытой истине» – но этот смысл теперь ограничен исключительно этической сферой. Аллегии, прежде служившие целям адаптации чуждых для христиан произведений, те-

¹ «cest oeuvre / qui doctement les hystoires descueure / des Anciens». Met[15], Epistre av Roy. P. 5. строки 53–55.

² «l'oeuvre duquel (n'en desplease à Homere) / doit estre dict des Histoires la mere». Met[15], Epistre av Roy. P. 11. строки 225–226.

перь стали всего лишь приемом для трансляции неких этических представлений определенному кругу лиц, – по сути, в определенной степени в отрыве от христианства. Этический, социальный подход начинает особенно процветать в светской придворной жизни эпохи позднего Возрождения, и даже возможно улавливаемые в прологах «поучения» королю звучат именно в этом контексте, а никак не в прежнем контексте духовного, то есть христианского возрастания.

Список литературы

- [Habert F.] La ieunesse du Banni de liesse. P., 1541.
- Leykauff A. François Habert und seine Übersetzung der Metamorphosen Ovids. Deichert. XI, Münchener Beiträge zur romanischen und englischen Philologie 30. Leipzig, 1904.
- [Habert F.] La suytte du Banny de Lyesse. P., 1541.
- [Habert F.] Le Combat de Cupido et de la Mort nouvellement compose par Le Banny de lyesse, Francoys habert... P., 1541.
- [Habert F.] Le Temple de Chastete, Avec plvsievrz Epigrammes tant de l'inuention de l'auteur que de la traduction et imitation de Martial et autres Poetes latins... Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry. P., 1549.
- [Habert F.] La novuelle Pallas, presentee à Monseigneur le Daulphin, par François Habert natif d'Issouldun en Berry. Item, La naissance de Monseigneur le Duc de Bretagne Filz dudict Seigneur. Avec un petit œuure Bucolique. Aussi le cantique du Pecheur conuerti à Dieu. Lyon: Jean de Tournes, 1545.
- [Habert F.] Les Dictz des sept sages de Grece, traduits de Grec en vers Latins par le Poëte Ausone et de luy en rime Françoisse par François Habert d'Yssouldun en Berry: ioincts autres dictz desdicts Sages, traduits d'Erasmus, avec une eglogue sur la naissance de mon seigneur le Dauphin. Paris: Anthoine le Clerc, 1549.
- [Habert F.] Les sermons satiriques du sententieux Poete Horace, diuisez en deux liures, interpretez en rime Françoisse par François Habert de Berry. Paris: Michel Fezandat et Robert Grandjon, 1551.
- [Habert F.] Six livres de la Métamorphose d'Ouide traduits selon la phrase latine en rime Françoisse, sçavoir le III, IIII, V, VI, XIII, XIV. Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy présenté au roy Henry de Valois, deuxiesme de ce nom. Paris: Michel Fezandat, 1549.
- Mühlethaler J.-C. Culture de clerc et réalité curiale: Le Séjour d'Honneur d'Octovien de Saint-Gelais ou les failles de l'idéal // Hofkultur in Frankreich und Europa im Spätmittelalter = La Culture de cour en France et en Europe à la fin du Moyen Age. B., 2005.

Евдокимова Л. В. Комментарии к комедиям Теренция в издании А. Верара и их источники // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения. М., 2006.

Tournoy-Thoen G. Fausto Andrelini et la cour de France // L'Humanisme français au début de la Renaissance. P., 1973.

Joole P. Les Héroïdes d'Ovide et les épistoliers de la grande rhétorique // Regards sur le passé dans l'Europe des XVIe et XVIIe siècles. B., 1997.

Les Epistres heroides... P., 1550.

[*Habert F.*] Les quinze livres de la Metamorphose d'Ovide intrepretez en Rime Française, selon la Phrase latine. Par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy presentez au Roy Henry II. P., 1557.

Whitman J. Allegory. The dynamics of an ancient and medieval technique. Cambridge, 1987.

Monfrin J. Les traducteurs et leur public // L'Humanisme médiévale dans les littératures romanes du XIIe et XIVe siècles. P., 1964.

«L'Ovide moralisé»: poème du commencement du quatorzième siècle, publié d'après tous les manuscrits connus. Wiesbaden, 1966-1968.

Petrus Berchorius. Reductorium morale. Liber XV: Ovidius moralizatus. Cap. I. De formis figurisque deorum. Textus e codice Brux., Bibl. Reg. 863-869 critice editus. Utrecht, 1966.

Petrus Berchorius. Reductorium morale. Liber XV. Cap. ii-xv. «Ovidius moralizatus» naar de Parijse druk van 1509. P., Utrecht, 1962.

Pierre Bersuire. De formis figurisque deorum (trad. Reynolds W.) // Allegorica. № 2 (3). 1977.

Szabari A. Less rightly said: scandals and readers in sixteenth-century France. Stanford, 2010.